

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Салон черной магии

Охотница на ведьм

Охотница на ведьм

Екатерина Савина
Салон черной магии

«Научная книга»

Савина Е. И.

Салон черной магии / Е. И. Савина — «Научная книга»,
— (Охотница на ведьм)

Экстрасенс Ольга Калинова живет в странном и опасном мире. Ее любимый человек в опасности. Происки злого мага, давнего врага Ольги, интриги прежней жены ее близкого друга, также связанные с черной магией, превращают ее жизнь в настоящий кошмар. Но Ольга не сдастся и смело борется за свое непростое женское счастье.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Екатерина Савина

Салон черной магии

Глава 1

Человечек с автоматом наперевес прыгнул в открывшийся люк, опустился на колени и немедленно открыл огонь по целой орде двухголовых монстров, появившихся из оскаленного обломками камней пролома в стене подвала.

– А завтра? – спросила Нина. – Суббота же. Что мы завтра с тобой делать будем?

Огненный шквал заставил человечка подняться с колен и резво отбежать за первый попавшийся угол – это двигался по трупам расстрелянных монстров механический паук, похожий на средних размеров танк.

– Васик! – снова позвала Нина. – Ты меня слышишь или нет? Завтра, между прочим, суббота, выходной.

Прикончив механического паука парой гранат, человечек двинулся дальше – бегом по открытому коридору. Несколько раз из ниш в стене появлялись тупые рожи двухголовых монстров, но человечек, не останавливаясь, косил их автоматными очередями, не давая им возможности воспользоваться оружием – в лапах монстров угрожающе поблескивали огромные бластеры. Когда коридор закончился, человечек подпрыгнул и повис на дверце ведущего вверх люка. В тот же момент сразу с десятков монстров во главе с тремя механическими пауками появились в пустом еще секунду назад коридоре. И люк закрылся, отрезав человечку путь вверх.

– Васик, да оторвись ты от своего проклятого компьютера!

Васик дрыгнул ногой, взвыл и ожесточенно застучал по клавиатуре, но ничего сделать уже было нельзя – человечек, пораженный лучами бластеров и огненными плевками механического паука, испустил тоскливый писк и издох на залитом зеленой кровью чудовищ полу коридора.

Нина, воспользовавшись моментом, щелкнула кнопкой и отключила компьютер. Васик еще некоторое время смотрел на потухший экран монитора, потом убрал руки с клавиатуры, вздохнул и наконец повернулся к Нине.

– Последний уровень остался, – огорченно сообщил он. – Кто же знал, что там потайная дверь есть, откуда все эти сволочи появились. А этот люк оказался ловушкой... Прямо нервов никаких не хватает. Нет, скажи мне, Нина, разве можно компьютерные игры так делать? Чтобы они нервы трепали? Компьютерные игры развлекать должны...

– Компьютерные игры должны развлекать пятнадцатилетних подростков, – устало проговорила Нина, присаживаясь на диванчик рядом с Васиком, – а тебе, дорогой, тридцатник скоро стукнет.

– Не скоро, – сказал Васик, – а через четыре года. Ты должна радоваться, что я... это... душою не старею.

– Я и радуюсь, – вздохнула Нина, – только, по-моему, ты не только не стареешь... а душа твоя все молодеет день ото дня. Скоро в войнушку будешь играть во дворе. С пятилетними.

Васик пожал плечами, словно пытаясь сказать, что не исключает и такую возможность.

– Дело в том, – сказал он, удобно разваливаясь на диванчике и приобнимая за плечи Нину, – что ты мне пить не разрешаешь. Сколько мы с тобой живем вместе – три месяца? Да у меня такого длительного периода воздержания от спиртного уже лет десять не было. Вот моя нереализованная энергия и прет наружу.

– А может, работать пойти? – поинтересовалась Нина. – Тебе уже двадцать шесть, а ты в своей жизни ни дня не ходил на службу. Сколько можно сидеть на шее у отца?

Васик поморщился, словно раскусил конфету, внутри оказавшуюся горькой.

– Ему мое сидение на шее необременительно, – глядя куда-то в сторону, проговорил он. – Отец в последнее время так поднялся, что пол-Москвы скупил. Ну, если не половину, то... третью часть, это уж точно.

– Какая разница? – возразила Нина. – Все равно сидеть не шее у родителей в таком возрасте... нехорошо. И стыдно.

– Понимаю, – Васик убрал руку с плеча Нины и немного отодвинулся. – И обещаю, что скоро найду работу. – Он заговорил быстрее, видя, что Нина хочет ему что-то сказать:

– Да, знаю, что обещал месяц назад, но... Нина, пойми! – Рука Васика осторожно ползла к Нининой коленке, – мне же нужно немного того... акклиматизироваться. Немного почувствовать свое новое положение... почти женатого человека. Видишь, я уже и пить перестал...

– Зато целыми днями в компьютерные игры режешься, – сумела-таки вставить слово Нина.

– Ведь работу не так просто найти, – оставив реплику без ответа, продолжал Васик. – Ты вот искала работу и нашла, но не то, что хотела. Ты ведь хотела музыку преподавать, а стала продавцом-консультантом. Впариваешь людям мебель сборки шотландских мастеров, произведенную бог знает когда в Гонконге...

– На первое время и это сойдет, – резонно заметила Нина, – а вот ты...

Васик поднялся и одернул коротенькую, едва прикрывающую ему живот майку, отбросил назад упавшую на лицо длинную прядь волос и, подняв руку в жесте, очень напоминающем пионерский салют, проговорил:

– Торжественно обещаю и клянусь в ближайшем будущем... То есть – в ближайшем месяце найти работу и перестать сидеть на папиной шее. Так пойдет?

– Это уже лучше, – просияла Нина. – Итак, возвращаясь к нашему разговору... Куда мы с тобой пойдем завтра?

Васик задумался.

– В ресторан? – предположил он.

– Сколько можно по ресторанам ходить? – поморщилась Нина. – Тем более что там для тебя – как для непьющего – слишком много искушений. Да еще ты меня позоришь в приличных местах.

– Это как? – удивился Васик.

– А кто на прошлой неделе устроил в «Золотой гриве» скандал из-за того, что ему не подали безалкогольную водку и безалкогольный коньяк?

– Ну, да, – вспомнил Васик, – было дело. Так «Золотая грива» – не единственный ресторан в Москве... Ладно, если не хочешь в ресторан, пойдем в кино.

Нина вздохнула.

– А может быть, – робко предложила она, – сходим в консерваторию? Из Софии камерный оркестр под управлением Казаджиева приезжает... Бах, Иоганн Себастьян. Бранденбургский концерт. Ты когда-нибудь слышал Бранденбургский концерт, а, Васильенка?

– Откуда? – проворчал Васик. – Я и за границей-то никогда не был. Нина хихикнула.

– Хорошо, – проявил смирение Васик, – сходим на твоего Иоганна Себастьяновича. Только потом в ночной клуб какой-нибудь заглянем, подрыгаемся...

– Как скажешь, – повеселела Нина, – подрыгаемся, так подрыгаемся...

Васик шутливо зарычал, подхватил Нину на руки и подбросил вверх. Долетевший из прихожей звонок в дверь заставил его на секунду отвлечься – и он едва не уронил уже приготовившуюся к неминуемому столкновению с полом Нину.

– Кто это может быть? – удивился Васик, опуская ее на диван.

Та поднялась на ноги, оправила халатик.

– Сейчас узнаю, – сказала она и пошла открывать. Едва она дошла до прихожей и прикоснулась к дверному замку, как из комнаты Васи́ка опять понеслись звуки выстрелов и предсмертные вопли монстров.

* * *

Тянущиеся ко мне нити были похожи на непрерывно спаривающихся гигантских червей. Я рванулась, чтобы бежать, но оказалось, что мои ноги уже давно и прочно оплетены отвратительно липкой, скользкой, но удивительно прочной, цепкой паутиной.

Я рванулась сильнее, но паутина снова выдержала. Тогда я упала на колени и попыталась уцепиться за землю, потому что почувствовала, как нити паутины тянут меня назад – в чернеющую неподалеку яму. Пальцы мои скользили по совершенно гладкой поверхности, а рухнувшая сверху липкая и мерзко воняющая сеть паутины разом спеленала меня так, что я едва могла шевельнуться. Не осталось ни малейшей возможности к сопротивлению. Натягиваясь и сжимаясь с ужасающим чавканьем, нити тащили меня к яме. Не в силах сопротивляться, я попыталась закричать, но крик тут же залепили набившиеся в рот клочья паутины. Это было так отвратительно и страшно, что я не в состоянии была даже заплакать.

Беспомощную, меня волокли по земле к черной яме. И только когда мои ноги уже повисли над пустотой, я вдруг подумала о том, кто из крошечной темноты жутко глубокой ямы тянет за липкие нити паутины, и мне стало по-настоящему страшно.

Выплюнув изо рта вонючие клочья, я закричала и снова отчаянно рванулась в безуспешной попытке освободиться.

Движение прекратилось, но только на миг. Через мгновение мое тело уже перевалилось через край ямы – и я полетела в крошечный бездонный мрак. Неизвестно, что было бы, если б я все-таки достигла дна этой бесконечной ямы, если бы я наконец не...

* * *

...Если бы я не проснулась.

Вскочив с постели, я первым делом закашлялась, стараясь избавиться от набившейся в рот паутины и все еще трясясь от испуга, но не сразу поняла, что никакой паутины во рту нет.

Я с облегчением выдохнула и снова опустилась на подушки, стараясь успокоить бешено стучащее сердце. А когда высох холодный пот на лбу, я нашла в себе силы подняться, чтобы пройти на кухню за стаканом воды.

Однако стоило мне пошевелиться, как проснулся тот, кто спал рядом со мной. Увидев, что я бодрствую, Витя приподнялся на локтях и посмотрел на настенные часы.

– Шесть утра, – хриплым со сна голосом констатировал он.

– Да, – сказала я, – рано еще.

Витя внимательно посмотрел на меня, потом осторожно положил руку мне на грудь.

– Опять? – спросил он.

Я кивнула.

Витя убрал руку и сел на постели. Широко зевнул, потянулся за сигаретами. Я передала ему зажигалку и пепельницу со стола. Несколько раз затянувшись, он проговорил, задумчиво глядя в стену:

– Знаешь, Ольга... Может быть, тебе показаться врачу? У меня есть один хороший знакомый психиатр.

– По-твоему, я сумасшедшая? – криво усмехнулась я, тоже закуривая.

– Разве я сказал это? – Витя удивленно посмотрел на меня. – Просто... мне кажется это не совсем... нормальным. Каждый день ты просыпаешься оттого, что тебе снится кошмарный сон, причем один и тот же.

– Бывает, – проговорила я.

– Но не два же месяца подряд! Я ничего не ответила, промолчала. А что говорить? Возразить-то нечего. Действительно, я – Калинова Ольга Антоновна – уже второй месяц почти каждый день, то есть почти каждую ночь, просыпаюсь в холодном поту от того, что мне снится кошмарный сон: кто-то невидимый, опутав меня паутиной, волочет в огромную яму. Как я падаю в яму и никак не могу долететь до дна.

«Очень даже хорошо, – подумала я, – что хоть не долетаю... Если бы увидела, что там, на этом дне, наверное, вообще бы не проснулась...»

– Я тут вот о чем... где пепельница? Ага... Я тут вот о чем подумал, – снова заговорил Витя, стряхивая пепел со своей сигареты в подставленную пепельницу, – ты только не возмущайся и дураком меня не называй и... поспешных выводов не делай, просто послушай, ладно?

– Ну, – кивнула я, – говори. Витя сосредоточенно и тщательно загасил окурок и, глядя мне прямо в глаза, начал медленно подбирать слова:

– Мы ведь с тобой... третий месяц встречаемся, правда? И... второй месяц ты видишь каждую ночь кошмарные сны. И каждую ночь просыпаешься с криком...

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила я.

Витя сглотнул.

– Может быть, – проговорил он, – из-за меня тебя кошмары по ночам мучают?

– Из-за тебя? – удивилась я. – Это почему же?

Он пожал плечами.

– По-разному в жизни бывает, – туманно высказался он. – Я ведь тоже когда-то психиатрией увлекался. Ну, просто интересно было. Сейчас-то бизнес у меня все силы отнимает, не до хобби уже... Так вот, я читал, что если человека не устраивает его сексуальный партнер и он не может сказать об этом прямо, то постоянно подавляемое желание будет мучить человека и в конце концов может вылиться в какое-нибудь заболевание. Ну, или как у тебя – постоянные кошмарные сны.

Витя замолчал и уставился на меня долгим печальным взглядом, который мне так у него нравился.

– Глупости, – сказала я, – ты, Витя, говоришь глупости. Подавляемое желание? Нет, кошмарные сны никак не связаны с тем, что... с тобой, одним словом, они не связаны, тем более и встречаемся-то мы всего три месяца, а сны меня начали мучить не так давно.

– Второй месяц после того, как мы стали жить вместе, – уточнил Витя. – Спать вместе...

– Глупости, – настаивала я, хотя что-то дрогнуло у меня в груди. – Глупости, – еще раз повторила я, чтобы убедить больше саму себя.

Я свернулась под одеялом клубочком, а Витя дотянулся до стола и поставил пепельницу. Я почувствовала, как он снова лег, поудобнее устроившись на подушках.

– Половина седьмого, – сказал он, – хоть часок бы еще поспать. Надеюсь, на этот раз ты меня не разбудишь?

– В половине восьмого, – ответила я, – как обычно.

– А, ну это само собой...

Через несколько минут он уже ровно задышал, а мне, конечно, не спалось. Черт знает, что творится со мной. Никогда у меня такого не было – чтобы какие-то сны так действовали на обычное мое поведение. Дошло ведь до того, что вечером боюсь ложиться в постель. Пью снотворное, чтобы скорее уснуть. И совсем перестала спать одна – только чтобы рядом Витя был.

Я улыбнулась, выбравшись из-под одеяла. Витя... Вот уже третий месяц, как у меня появился самый родной и любимый в этом мире человек. А я-то думала, что такого со мной уже не случится. Нет, не потому что я старая и уродливая настолько, что от одного моего взгляда вянут цветы и подымают домашние животные... Напротив – я достаточно молода и очень симпатична, как говорят. А все дело в том, что колдунья. Или, как это принято называть языком науки, человек, обладающий исключительными паранормальными способностями. Экстрасенс. И соответственно – мой образ жизни несколько отличается от того, что ведут нормальные, обыкновенные люди.

Однако обо всем по порядку...

* * *

Я действительно обладаю исключительными экстрасенсорными способностями, доставшимися мне в наследство от моей прабабушки, которую в деревне, где она жила, называли ведьмой... Ведуньей...

Мой дар позволяет мне видеть образы в сознании собеседника, проникать в его подсознание и тем самым узнавать его намерения и просчитывать ходы поведения; и вовсе неважно, на каком языке мой собеседник разговаривает. Не так давно, изучая соответствующую литературу и постоянно практикуясь, я поняла, что могу воздействовать на человеческую психику и даже – манипулировать людьми. Ну, манипулировать – это слишком громко сказано. Теоретически – я могу управлять человеком, контролируя его сознание, но вот практически...

Не секрет, что на нашей планете есть люди, обладающие возможностями несравненно большими, чем остальные. Понятно, о ком идет речь, это колдуны, маги, ведьмы... Экстрасенсы и предсказатели. Одни используют свой дар во зло, а другие...

Кстати говоря, только совсем недавно я поняла, что имеющий экстрасенсорный дар просто не должен оставаться в стороне, если другой такой же экстрасенс использует свой дар во зло людям. Здесь не может быть ничего наполовину, и надо выбирать: либо – черное, либо – белое.

Так вот, я безоговорочно приняла сторону, противоположную черному, идущему во вред людям колдовству. И стараюсь следовать своим принципам всегда и везде, защищать людей, попавших в сети обладающих паранормальными способностями облюбков.

Экстрасенсорными способностями обладала и моя сестра-близнец. Это она помогла мне раскрыть в себе неведомую доселе силу. Теперь Наталья мертва, а человек, погубивший ее и, кстати, когда-то обнаруживший в ней самой экстрасенсорный талант и развивший его, все еще жив.

Сколько раз я пыталась добраться до убийцы сестры; дважды он, проигрывая поединок со мной, ускользал. Но убить его мне так и не удалось. Я знаю совершенно точно, что он жив и где-то – в какой-то точке земного шара – набирает силы для окончательной битвы...

Его зовут Захар. Он – единственный мой настоящий заклятый враг. Смертельный враг! И он не успокоится, пока не убьет меня. А я не успокоюсь, пока не доберусь до него.

Сколько мне еще предстоит жить в ожидании последней – решающей – битвы?

Однако и без Захара, о котором я уже несколько лет ничего не слышала, мне хватает проблем. Несколько месяцев назад я сама едва не стала жертвой одного старого убийцы, обладающего исключительными способностями к гипнозу и прочим разновидностям внушения. И мне крупно повезло, что я и мои друзья, Васик, Даша и моя новая подруга Нина, остались живы.

Этот старик, а звали его дядя Моня, сейчас заключен в тюрьму. Несомненно, это один из самых талантливых колдунов, которых я встречала, не считая, конечно, Захара.

Дурман, который благодаря действиям дяди Мони, довольно серьезно затуманил мне мозги, не рассеивался окончательно достаточно долго. Еще, наверное, с неделю меня мучило

смутное беспокойство, то и дело беспричинный страх охватывал меня. Тогда-то, в тот не самый приятный и легкий период моей жизни я и познакомилась с Виктором.

* * *

В тот день неслышно притаившийся в моей душе осадок страха выгнал меня из дома. Я так поспешно покинула свою квартиру, что даже не успела как следует одеться и забыла кошелек. Около моего дома был старый парк, почти заброшенный, и я любила гулять в нем. Отправилась туда и теперь.

Бесцельно бродя там, я не раз пожалела, что не успела как следует одеться, и, конечно, мысль о забытых дома деньгах не оставляла меня ни на секунду.

Тех денег, что я обнаружила у себя в карманах куртки, мне хватило лишь на пачку не очень дорогих сигарет и на чашку растворимого кофе, тепло которого я, как могла, растянула в полутемной, затянутой сине-серым табачным дымом забегаловке.

Из забегаловки пришлось вскоре уйти – не сидеть же там до вечера с пустой чашкой. Но домой тоже не тянуло. Небо над головой всегда немного успокаивало, однако ходить по улицам мне тоже не особенно хотелось: я все ждала, вот-вот остановится у обочины машина, откуда высунется ухмыляющаяся харя старухи, подельницы дяди Мони, или его самого; поэтому очень обрадовалась, когда набрела на полупустой осенний парк, безлюдный из-за испортившейся вдруг погоды.

То и дело налетал ветер, свинцовое небо того и гляди готово было обрушиться дождем. Сидеть на скамейке было холодно, поэтому, подняв воротник и сунув руки в карманы, я ходила по бесконечным аллеям, усыпанным хрупкими красно-желтыми листьями.

Путанные мысли металась в голове. Нехорошо мне было – муторно и беспокойно. И так захотелось теплого человеческого участия, что я собралась уже было, забыв о том, что у меня нет денег, зайти в любое более или менее приличное кафе и присоединиться к первой попавшейся компании. Даже зашла в какую-то закусочную, но после того, как мне показалось, что за одним из столиков сидит дядя Моня и, не мигая, смотрит на меня, я пулей выскочила на улицу и долго не могла унять дрожь во всем теле.

Лучше уж дрожать от холода, чем от ужаса!..

В глубине парка раздавался какой-то шум. Я знала, что вблизи, за деревьями, кафе с варварским названием «Мравалжамиер», хозяином заведения был выходец из Грузии Лукайя Думбадзе. В «Мравалжамиере» дневали и ночевали земляки Думбадзе, и в любое время суток оттуда слышались заунывные грузинские песни.

Вспомнив об этом, я вспомнила и об одной забавной истории, которую когда-то давно, когда я еще жила в своем родном провинциальном городке, рассказала мне по телефону моя сестра Наталья, только-только приехавшая в Москву и поселившаяся в маленькой комнатке на окраине города, деля эту комнатку с девушкой-соседкой, выпускницей политехнического института, так же, как и моя сестра, приехавшей покорять Москву.

Наталья и ее подруга несколько раз бывали в этом кавказском кафе – они приходили сюда пообедать. Хитроумная соседка заказывала обед на двоих и, пока Наталья ела, соседка строила глазки женолюбивым посетителям, преимущественно, конечно, кавказской национальности.

Уже через несколько минут у девушек на столе появлялось вино, а спустя какое-то время – и черноусые кавалеры, которые никак не могли допустить того, чтобы такие красивые девушки сами за себя расплачивались.

Трудности начинались по окончании застолья. Наталья и ее соседка уверяли черноусых, что завтра у них, прилежных студентов, экзамен, и им нужно во что бы то ни стало к нему готовиться.

Черноусые обычно долго и громко уговаривали поехать к кому-нибудь из них в гости. Сытая и слегка пьяная Наталья не видела в этом необходимости, а вот ее соседка нередко принимала приглашения...

Я пугалась этих рассказов и предостерегала сестру – как ни трудно полуголодное существование в чужом городе – не пускаться в подобные авантюры...

И вот сейчас, привлеченная развеселыми песнями на непонятном языке и дразнящим запахом традиционного жареного мяса, я остановилась у начала аллеи, ведущей к «Мравалжамииру». Мне показалось даже, что я чувствую тонкий и терпкий аромат хорошего грузинского вина.

«Будь что будет, – подумала я, – попробую повторить подвиг своей сестры, пообедаю за счет гостеприимных кавказцев, ну или просто поговорю с кем-нибудь, сидя в теплом заведении, – уж на чашечку чая-то у меня денег, наверное, хватит. А если дело примет плохой оборот... что ж. Я же все-таки колдунья, а не какая-нибудь беззащитная девчонка. Пойду в кафе!»

Так и поступила.

Однако, как того следовало ожидать, дело приняло-таки нежелательный оборот, и, когда несколько нетрезвых кавказцев, предварительно накормив и напоив меня, стали слишком навязчиво зазывать в гости – хватать за руки и другие части тела, совсем не приспособленные для такого не деликатного обращения, – я хотела было уже пустить в ход свои паранормальные способности, но неожиданно вмешался оказавшийся случайно в том самом «Мравалжамиире» Витя, и необходимость в моих экстрасенсорных действиях сама собой отпала – Витя очень быстро внушил гостям столицы уважение к русским девушкам при помощи своих удивительно крепких кулаков.

Вот так мы и познакомились. Впоследствии я рассказала ему о том, что, испытывая глубокую депрессию, захотела пощекотать себе нервы и чуть не влипла в историю. Говорить же Вите о своих экстрасенсорных способностях и том страшном стрессе, который пережила, я не стала, боясь, что вся эта чертовщина его отпугнет, а ведь он мне так нравился – высокий, светловолосый и голубоглазый, с безупречной мускулатурой и классическим профилем, напоминавшими мне античного бога, особенно в определенные интимные минуты.

Месяц мы встречались с Витей, гуляли по улицам, сидели в ресторанах, а потом стали жить вместе. Он уже несколько раз намекал мне, что неплохо было бы узаконить наши отношения, но всякий раз я уходила от ответа. Мне казалось, рановато. Всего три месяца вместе... Нужно присмотреться друг к другу получше, тогда и решать, что дальше делать.

И все было бы хорошо в моей жизни, даже замечательно, если бы не эти кошмарные сны, которые последнее время просто не давали мне покоя...

Но зачем, однако, мне идти к каким-то психиатрам, как предлагает Витя? Я же все-таки экстрасенс, хотя он об этом и не догадывается. Помогу себе сама.

За окном заметно посветлело. Я осторожно, чтобы не потревожить Витю, поднялась с постели и подошла к окну. Двор покрыл нежнейший утренний снежок – первый в этом году. Полюбовавшись на это чудо природы, я отошла и рассеянно взглянула на часы.

Господи! Без двадцати восемь! Вот размечталась-то и забыла разбудить Витю! Хорошо еще, что вовремя спохватилась. Теперь, если поспешит, то не опоздает на свой брифинг... Или как там у них называются важные мероприятия бизнесменов.

А мне на работу к десяти.

Я села на кровати рядом со спящим Витей и тронула его за плечо.

Глава 2

– Васик, – позвала Нина из прихожей, – это к тебе!

– Ко мне? – переспросил Васик, не отрываясь от компьютера. – Даша?

– Нет.

– Ольга?

– Васик, к тебе пришли! – повторила Нина. – Выключи, пожалуйста, свою проклятую машину и выйди сюда!

Голос Нины звучал как-то необычно, даже – встревоженно, как определил Васик. Поэтому он быстренько отключил компьютер и отправился в прихожую.

Нина стояла к нему вполоборота, а у самого порога, даже, кажется, слегка прислонившись спиной к закрытой двери, – ослепительной красоты женщина в застегнутом от пяток до самой шеи длинном белом плаще.

– З... здравствуйте, – слегка зажмурясь, оторопело поздоровался Васик, – а вы к кому?

– К тебе, Василий, – проговорила женщина голосом усталым и потухшим. – Здравствуй.

– Проходите, – сказала Нина, делая шаг к Васику и легонько подталкивая его в сторону, чтобы освободить проход госте. – Проходите, я сейчас подогрею чай, мы как раз собирались завтракать.

Нина проговорила последнюю фразу, обращаясь больше к Васику. Он кивнул, а она еще раз глянула на неожиданную гостью и удалилась в кухню, как-то странно глянула – оценивающе, что ли.

Впрочем, и Васик не сводил глаз с красавицы. Во-первых, наверное, потому что она была действительно хороша собой, хороша той особенной зрелой красотой, которая обычно свойственна женщинам, в юности ничем особым в своей внешности не выделявшимся.

Женщина явно знала Васика, а вот он ее никак припомнить не мог. И спросить не решился.

– Не узнал? – заметив замешательство на его лице, спросила женщина.

– Честно говоря, нет, – признался Васик, – что странно, – поспешил он сгладить неловкость. – Если бы я такую красивую женщину хоть раз увидел, точно бы запомнил...

Произнеся эти слова, Васик невольно оглянулся на дверь, за которой скрылась Нина. Женщина усмехнулась. Как-то странно усмехалась – уголком рта, чуть приоткрыв влажный рот и едва обнажив белейшие зубы. Как-то странно и вместе с тем безумно привлекательно усмехалась.

– Меня Катей зовут, – представилась она, – а фамилия моя Морозова. Помнишь, Васик, город Сочи, гостиницу «Лазурный берег»...

Васик внимательней взгляделся в лицо госты и вдруг тихо охнул.

– Катя... – прошептал он, – так это ты? Господи, никогда бы не узнал, если бы сама не сказала! Ты стала такая... такая... У меня прямо слов не хватает. А ведь столько лет прошло с тех пор, как мы с тобой... – Не договорив, он внезапно смешался и снова оглянулся на кухонную дверь.

– Шесть лет, – спокойно и устало проговорила женщина, – шесть лет.

– Ты... изменилась, – не зная, о чем говорить, как-то глупо произнес Васик. Катя снова усмехнулась уголком рта.

– А... А что же ты мне не звонила все эти годы? – Васик заговорил тише, поминутно оглядываясь на дверь кухни, за которой Нина нарочито громко звенела чайной посудой, словно пытаясь показать, что ни капельки не беспокоится и не ревнует – просто давняя знакомая зашла, что в этом такого. Как раз чай вскипел – можно и чаем гостью напоить. – Что же ты мне не звонила? – блуждая глазами по стенам, между тем продолжал Васик. – Ты ведь в Москве

живешь? Ага, я помню... А мы условились, как только в Москву вернемся, тут же созвониться. Ты на две недели раньше меня уезжала. Почему же ты...

– Перестань, – негромко оборвала его Катя, и Васик тут же смолк. – Ты же мне телефон дал не свой, а какой-то химчистки на окраине города.

– Ну, правильно, ну, я помню... – смотря упорно в пол и дергая себя за спадающие на глаза пряди волос, бормотал Васик. – Я же тогда просто пошутить хотел, а потом... потом собирался тебе мой настоящий телефон дать... Ну и не получилось... Ты уж прости, – выдохнул он наконец и замолчал.

– Да я и не сержусь, – проговорила женщина.

Дверь в кухню распахнулась.

– Ну что же вы? – звонко крикнула от плиты Нина. – Чай давно уже на столе. Через несколько минут будут оладушки. Проходите! Васик, что там с тобой? Приглашай гостью...

– Оладушки, – робко пробормотал Васик, поднимая глаза на Катю, – они того... вкусные. Нина очень хорошо печет, – зачем-то добавил он.

– Значит, повезло тебе с женой, – расстегивая и снимая плащ, заметила Катя.

Васик с запоздалой прытью ринулся помогать. Он принял плащ из ее рук и повесил в шкаф, предварительно тщательно стряхнув с рукава почти невидимую приставшую пылинку. Покончив с плащом, он неуклюже рухнул на колени и сунулся было развязывать шнурки на сапожках женщины.

– С ума сошел? – усмехнулась гостья. – А если жена войдет?

– Она... она не жена, – проговорил Васик, поднимаясь на ноги и вытирая пот с совершенно пунцового лица. – Пока не жена.

– Тем лучше для нее, – непонятно высказалась гостья и отодвинула в сторону сапожки. Васик пригладил волосы и безмолвно – жестом – пригласил гостью на кухню.

Рассевшись за столом, все трое некоторое время молчали. Нина, занимавшаяся у плиты приготовлением оладушек, несколько раз оборачивалась и удивленно смотрела на Васика, а тот каждый раз опускал глаза. Катя, попросив разрешение, закурила.

Через несколько минут Нина поставила на стол тарелку с оладьями и сняла фартук, оказавшись в строгом деловом костюме.

– Вы тут беседуйте, – сказала она Васику и обратилась к Кате:

– Попробуйте оладушек. Все говорят, что они хорошо получаются у меня.

– А ты куда? – не смотря на Нину, спросил Васик.

– На работу, – ответила она, – сегодня же пятница, а выходной – суббота – только завтра. Забыл?

Васик мотнул головой.

– Проводишь меня?

Васик покорно поднялся.

– Мне возвращаться? – негромко поинтересовалась Нина, одеваясь в прихожей перед зеркалом – Она видела выражение лица стоящего за ее спиной Васика в зеркале.

– То есть? – не понял Васик.

– Мне возвращаться? – повторила вопрос Нина. – Или пока пожить где-нибудь в другом месте? До тех пор, пока ты разберешься со старыми связями?

– С чего ты взяла, что она... что Катя – это... связь? – промямлил Васик, потирая лоб.

– Я что – слепая?

– Возвращайся, конечно, – почему-то шепотом проговорил Васик, – ты же здесь живешь... Со мной. А она... Я не знаю, зачем она пришла, но... Мы просто попьем чаю, а потом я к отцу съезжу, он просил меня приехать... Что-то с какими-то бумагами у него неполадок, нужен мой паспорт.

– Паспорт какой-то... – глухо произнесла Нина, – с каких пор твоему отцу понадобились твои документы?

– Долго объяснять, – Васик оглянулся на дверь кухни. Заметив это, Нина сжала губы и дернула на себя ручку двери, забыв отпереть замок.

– Ну, чего ты? – простонал Васик. – Я потом тебе объясню, зачем отцу мой паспорт. Я же все-таки его сын. Он мне доверять может? Ну и... всякие операции с моими документами будет проворачивать, чтобы от налогов больших откосить – обычное дело. Сейчас ведь предпринимателей знаешь как душат? Вот... А подробности я тебе потом объясню, Нин...

– Как хочешь, – отпирая наконец замок, проговорила Нина. – Я ведь знала, что все так и выйдет.

– Да как – так?! – воскликнул Васик несколько громче, чем требовалось.

Нина уже открыла дверь и говорила теперь, одной ногой переступив порог.

– Тебе, Васик, нужна девушка твоего же круга, – сказала она, – а я... Кто я такая? Будущего у меня нет. Прошлое... ты сам лучше меня знаешь, кем я была в прошлом. Кстати, не в таком далеком прошлом.

– Перестань! – внезапно охрипшим голосом сказал Васик. – Договорились же, что вспоминать не будем... о том, что было, а теперь ты первая начинаешь.

– Ничего я не начинаю, – устало проговорила Нина и шагнула за порог, закрывая за собой дверь.

Васик еще какое-то время постоял перед дверью, сжимая и разжимая кулаки – до тех пор, пока не вспомнил, что на кухне его ждет Катя. Он чертыхнулся и, круто повернувшись, протопал к кухне.

– Ну? – осведомился он, усаживаясь за стол напротив Кати. – Зачем ты пришла?

– С женой поругался? – поинтересовалась Катя. – Кстати, ты нас не познакомил.

– Ее зовут Нина, – проговорил Васик и отодвинул от себя чашку, да так резко, что горячий чай плеснул на стол. – А знакомить вас я и не собирался.

– Почему?

– А потому что незачем. Катя усмехнулась и с сомнением, как показалось Васику, склонила красивую голову.

– Так я спрашиваю, – заметно повысил голос Васик, – зачем ты пришла?

– Нина оладушек напекла, – спокойно проговорила Катя, – поешь, успокойся...

– Хватит! – заорал вдруг Васик, вскакивая со стула. – Чего приперлась, спрашиваю? Чтобы с Ниной меня рассорить? Откуда мой адрес узнала? Я за эти шесть лет сто раз переезжал с места на место... Чего тебе надо? Ну и что с того, что я когда-то там с тобой покувыркался на морском пляже? Был роман и все. А почему не позвонил, ты прекрасно понимаешь. На море, на курорте – одно дело, а в городе – совсем другое. И вообще – не помню я, что там у нас с тобой что-то было... Слишком много времени прошло!

– Не кричи, – слегка поморщилась Катя. – Голова разболится. А пришла я к тебе, Василий, чтобы сообщить кое-что.

– Что? – грозно спросил Васик, возвышаясь над столом, как переломленный башенный кран.

Катя отхлебнула чаю и аккуратно отставила чашку в сторону. Потом подняла глаза на Васику и так же аккуратно, как только что передвигала по столу чашку, проговорила:

– У тебя растет сын.

– Не понял? – открыл рот Васик.

– У тебя ребенок, сын, понимаешь? – повторила Катя, нисколько не изменившись в лице. – Мальчик. Петей зовут. Догадайся, сколько ему лет.

Васик еще секунду постоял над столом, потом упал на стул. Он судорожно сглотнул и дрожащей рукой убрал с лица прядь волос.

– А... почему – Петей назвала? – надтреснутым голосом произнес он.

– Как хотела, так и назвала, – спокойно ответила Катя и отхлебнула глоток чая. – А как нужно было назвать – Васей? В честь родителя, которого Петька так никогда и не видел?

Васик молчал. Катя внимательно рассматривала интерьер кухни то и дело переводя взгляд на неподвижное Васиково лицо.

– Ну и что ты от меня хочешь? – откашлявшись, заговорил наконец Васик.

– Почему ты решил, что я от тебя что-то хочу? – осведомилась Катя.

– А зачем ты тогда меня разыскала? – проговорил Васик. – Чтобы похвастаться, какой хороший мальчик вырос? Без отца? Если бы тебе нужен был отец, ты бы меня раньше разыскала.

– И что бы ты тогда делать стал? – приподняла уголок губы Катя. – Побежал бы в загс? Сколько тебе тогда было – двадцать? Девятнадцать? Да твой папаша мне бы тогда столько бабок отвалил, если б я захотела... Чтобы его сыночка раньше времени не захомутили.

Васик промолчал. Не говоря ни слова, он поднялся и вышел из кухни. Когда спустя минуту он вернулся с пачкой сигарет в руках, Катя тщательно разрешила лежащий перед ней на тарелке оладушек.

– Ладно, – закулив, сказал Васик. – Сейчас-то что тебе понадобилось? Катя отложила нож.

– И что, – поинтересовалась она. – Тебя совсем не волнует, что все эти годы – когда ты уже и думать обо мне забыл – где-то в городе, где ты живешь, растет твой сын? Твой наследник? Внук твоего отца? Семя от семени твоего? Плоть от плоти твоей?

– Между прочим, – мрачно проговорил Васик, – то, что это мой сын, – доказать еще надо. А то знаешь, как бывает... И вообще, я смутно помню, как у нас там с тобой было... И было ли вообще.

У Кати лишь слегка дернулась бровь.

– Генетическую экспертизу можно провести хоть сейчас, – чуть охрипшим голосом произнесла она, – только и без всякой генетики все ясно. Тебе стоит на лицо Петькино посмотреть – и все сразу ясно станет. Он же – вылитый ты.

Васик молча докурил сигарету, потом спросил:

– Ты все-таки не ответила мне на вопрос. Что тебе сейчас от меня надо?

– Деньги, – просто сказала Катя.

– А-а! – Васик с облегчением рассмеялся. – Тогда понятно. Тогда все понятно. – Потом, приподнявшись, посмотрел прямо в спокойное лицо Кати и, не повышая голоса, выговорил:

– Пошла вон.

Катя не шелыхнула.

– Ты что – не слышишь? – голос Васику окреп и стал угрожающим. – Я и не знал, что люди так поразительно могут измениться за... за несколько лет. Подумать только – была скромная девушка, стихи слушала мои... идиотские. Музыка любила, первый поцелуй чуть ли не с боем отдала. Не говоря уже обо всем другом... Этаким гадкий утенок. А теперь – пожалуйста. Явилась такой цацей и требует денег – неизвестно за что. Тебе на конфеты не хватает? Давай, я помогу тебе... парой-тройкой сотней баксов. Больше, извини, не могу. Сам безработный. Ты что – не понимаешь, что глупости говоришь?! – Васик уже кричал. – Столько времени прошло – теперь бесполезно что-либо доказывать! Где ты раньше была?

– Дурак ты, – сказала Катя и первый раз за все время встречи вздохнула. – Петька тяжело болеет. Ему жить от силы год осталось. Нужно аппарат из Швейцарии выписать, а это денег больших стоит. Вот я и пришла к тебе, может, пробьешь у своего отца деньги, а?

– Что-о? Васик замолчал и снова опустил на стул.

– Экспертизу надо сделать, – проговорил он, потирая лоб. – Черт, ничего не соображаю... И чего ты все сразу вывалила? Не могла по порядку сообщить? А я теперь как оглушенный. –

Тут он встретился глазами с Катей и осекся: ни капли спокойного равнодушия теперь не было в Катиных глазах – только боль и страх. И еще мольба.

Васик залпом выпил чашечку остывшего чая.

– Значит так, – продолжал он, – экспертизу – это само собой. Самую строгую. Чтобы было предельно ясно, мой ребенок или нет. Потом... Потом нужно будет твоего... ре... нужно будет его врачам показать. Независимым, так сказать, экспертам. Чтобы они сказали, болен он или нет. И чем болен. Может быть, никакого аппарата и не понадобится. Может быть, его и так можно вылечить. Чем, кстати, он болеет-то?

Катя привычно выговорила длинное труднопроизносимое слово, состоящее чуть ли не из десятка латинских корней.

– Чего? – наморщил лоб Васик. – Не слышал о таком заболевании. Что это значит?

– Неважно, – устало качнула головой Катя, – важно то, что эта болезнь практически не поддается лечению. Только вот если аппаратом швейцарским попробовать...

Васик надолго задумался. Потом тряхнул лохматой головой и упрямо проговорил, не глядя на Катю, а куда-то в стол:

– Все равно... экспертизу и обследование. А потом будем решать, что делать.

– Хорошо... – услышал он в ответ и поднял голову. Так и есть, Катя тихо, почти неслышно плакала, прижав к красивому лицу нежные ладони.

* * *

Восходящее солнце задрожало в тонко зазвеневшем хрустальном небосводе и неожиданно рассыпалось мириадами полупрозрачных сфер, почти тотчас же образовавшими диковинный хоровод вокруг земного шара. Земного шара, который я в настоящий момент наблюдала целиком, со всех сторон сразу, как не может видеть нашу планету даже человек, находящийся в космосе.

Я и не была в космосе. Я была сама в себе. Для меня – это простейший способ познания чего-либо. Просто войти в транс и скользить по бесконечной реке своего собственного подсознания.

Я могла бы сейчас увидеть все, что ни пожелаю, из окружающего меня мира, но я сузила внутренний взгляд и сосредоточила его на самой себе. А потом, заставив хоровод полусфер, в который превратилось восходящее солнце, остановилась, погрузилась в мягкий полумрак и поплыла по течению, целиком отдавшись воле своего подсознания, которое само должно найти ответ на заданный мною вопрос: «Отчего меня мучают эти странные и страшные сны?»

И события былых периодов моей жизни потекли перед глазами... – Времени совсем нет... – шуршал почти неслышный голос моей сестры. – Бойся Захара, это страшный человек. Это общество, которое он возглавляет, на первый взгляд может показаться всего-навсего сборищем извращенцев, одной из специфических тусовок, которых так много в столице... Но это не так, я знаю, ты уже это поняла, Захар настоящий преступник, он действительно обладает экстрасенсорными способностями. И довольно сильными... А сейчас уезжай из квартиры! – вскрикнула моя покойная сестра, будто только что вспомнила то, что хотела мне сказать. – Немедленно уезжай и до утра не показывайся здесь. Тот, кто приходил за моей жизнью, придет и за твоей!

– Почему? – это все, что я смогла выговорить тогда.

– Я должна сказать тебе самое главное... – Голос становился все тише, превратившись в конце концов в шелест летящего по ветру невесомого хрупкого осеннего листочка. – Самое главное...

И снова мертвая тишина натянулась на мембране телефонной трубки.

Опустившись на колени, я разрыдалась – оттого, что была беспомощна и мало что соображала, ибо разговор с Натальей состоялся спустя несколько месяцев после ее гибели...

Волна памяти захлестнула это воспоминание, а меня несло дальше.

...Господи, как у меня кружилась тогда голова – это, скорее всего, от того, что я слишком резко вышла из транса.

Я шагнула к выходу из комнаты и мне пришлось взмахнуть руками, схватившись за спинку кровати, чтобы не упасть.

– Что за черт... – пробормотала я, – какая-то странная слабость... И голова кружится все сильнее и сильнее.

Я зажмурила глаза, снова открыла их и увидела, что кружится вовсе не моя голова, а вращается спальня; пляшут пол и потолок; кровать, где мирно спала Даша, кувыркается с невероятной скоростью.

Кажется, я что-то вскрикнула, когда оторвалась от кровати и сделала несколько шажков в сторону, чтобы ухватиться за полуоткрытую дверь, которая среди общей свистопляски вроде бы вела себя более менее спокойно.

И полетела в тартарары.

В отличие от Алисы, упавшей в кроличью норку, я не имела ни малейшего понятия, лечу я вниз или вверх. Как только погасла электрическая лампочка в спальне, кто-то со страшной силой выбил у меня из-под ног пол, и я полетела.

Нет, просто повисла в непроглядно черном пространстве.

Ничего не было слышно, кроме свиста рассекаемого моим телом воздуха – если в той страшной дыре, куда я неожиданно провалилась, был воздух.

Я так и не поняла, сколько времени продолжалось мое падение... Или полет... Но когда я вновь ощутила твердую опору под ногами, мне показалось, что прошла целая вечность. Только одна мысль у меня в голове еще всколыхнулась, словно от удара, при приземлении: чтобы такое больше не повторилось никогда.

Я застонала, чтобы отогнать это мучительное воспоминание, но через секунду снова погрузилась в глубь своего подсознания:

...Теперь вокруг меня было космическое пространство. Мне даже казалось, что кое-где я различаю мерцание далеких звезд. Но первое, что я увидела, было множество людей, вращающихся в состоянии невесомости вокруг меня.

Некоторые из них безвольно шевелили мертвыми руками, открывая и закрывая пустые глаза, на телах этих людей были заметны пулевые ранения, кровь из которых толчками выкатывалась наружу и, стекаясь в шарики, разлеталась прочь. Но большинство людей, оказавшихся не по своей воле в пространстве моей галлюцинации, были еще живы; они кричали, размахивали пистолетами и автоматами, явно не понимая, почему и как они оказались в этом странном месте...

И это воспоминание исчезло, как только я того пожелала. Волнообразные движения вокруг меня стали замедляться, и вскоре все замерло, а мой внутренний взгляд зафиксировался на одной только картинке, ярко сиявшей у меня в голове.

Это был Витя. Улыбающийся и радостный, как в тот день, когда я согласилась переехать в его квартиру.

Это и ответ на мой вопрос – почему меня мучают эти странные сновидения с паутиной и черной ямой?

Витя улыбался, просто и счастливо. Никаких отрицательных эмоций и мрачных ассоциаций эта картинка у меня не вызвала. Напротив, я отчетливо и ясно чувствовала излучавшееся от моего любимого счастье.

Я глубоко выдохнула, подготовившись к выходу из транса. И через несколько минут уже ощутила себя сидящей на полу возле постели, которую еще не успела застелить. Витя давно уехал, да и мне пора было собираться на работу.

Поправив подушки и одеяло, я накрыла кровать пледом и пошла в кухню. Включила кофеварку и уселась напротив нее, задумчиво глядя на вспухающие пузырьки подогреваемой жидкости.

Почему мое подсознание выдало мне в ответ на мой вопрос образ моего возлюбленного Вити? Ведь он... он никак не может быть причиной странных и страшных снов, каждую ночь посещающих меня. Не может хотя бы потому, что мое подсознание фиксирует идущие от его астрального образа импульсы и идентифицирует их как положительные. Только положительные – никакого намека на отрицательные. Как же тогда в таком случае расценить ответ моего подсознания?..

Я закурила сигарету и вдруг замерла, задумчиво глядя на огонек зажигалки.

Ну, конечно! Как это я раньше не додумалась до этого! Ведь причины могут быть не только объективные, но и субъективные. То есть Витя может являться причиной моих кошмарных снов только фактически. Если, например, кто-то, кто хочет отнять у меня Витю, насыляет на меня эти сны...

Я зафиксировалась на этой мысли...

Ну, что ж, вполне может быть. Что мне известно о прошлом моего возлюбленного? Конечно, он рассказывал о своей первой женитьбе, говорил, что это случилось так давно... И добавлял, что уже и не помнит, как она выглядела, его первая жена.

Хотя, стоп, стоп...

Витя мне что-то такое говорил о той жене. Это были какие-то странные байки, которым я сначала не придавала значения. Что-то о том, что жена его была потомственной гадалкой. В роду ее были настоящие предсказательницы, а она никогда своим даром не пользовалась, потому что не умела. Так, что-то иногда получалось случайно.

Вот Витя и вспоминал какие-то комические истории, с этим связанные...

Да-да, надо бы порасспросить его хорошенько сегодня вечером, глядишь, и прояснится картина... А теперь пора на работу.

Я посмотрела на часы и охнула. Вот чертовщина, кофе не успеваю попить – у меня же важная встреча сегодня назначена на утро. Выключив кофейник, я бросилась в комнату одеваться.

* * *

– И что она от тебя хотела? – спросила Нина. – Кто вообще она такая?

– Я первый задал вопрос, – угрюмо напомнил Васик. – Почему ты так поздно сегодня пришла домой?

– Я тебе ответила, – сказала Нина, – потому что задержалась.

– Это не ответ.

– Ответ. Задержалась, потому что... прошла от магазина пешком несколько остановок, – объяснила Нина, – мне хотелось пройтись. Подумать немного.

– О чем подумать?

– А то ты не понимаешь, – усмехнулась Нина.

Васик вздохнул и отодвинул от себя тарелку с давно остывшим пловом.

– Понимаю, – глухим голосом проговорил он. – О нашей с тобой жизни, да?

– Васик... – Нина под села поближе к нему. – Ты мне можешь четко и внятно объяснить, кто такая была эта девушка, зашедшая к нам утром, и что она от тебя хотела?

Васик некоторое время молчал.

– Могу, – сказал он наконец. – Отвечаю четко и внятно. Она пришла сообщить... – тут ему почему-то не хватило воздуха и пришлось сделать глубокий вдох, – она... Катя пришла сообщить, что... что у нее от меня есть... есть...

– Кто? – тихо спросила Нина, хотя, кажется, обо всем уже догадалась.

– Ребенок, – зажмурившись, произнес Васик, – сын. Мальчик, то есть. Зовут Петя. Ему шесть лет.

В комнате повисло молчание, гулкое и тяжелое, как безмолвный гонг.

– Шесть лет, – почти беззвучно прошелестела губами Нина, – Ты... с ней?.. Васик кивнул.

– Шесть лет назад...

Нина несколько минут молчала, неподвижно уставившись в свою тарелку с нетронутой едой, но потом ее словно взорвало:

– Я знаю, что ты хочешь мне сказать! – закричала она. – Прекрасно знаю! Васик удивленно поднял голову.

– Да! – всхлипнула Нина. – Какое-то время мне пришлось продавать себя, чтобы заработать... чтобы поддерживать жизнь в моем бывшем муже. Ты не понимаешь, что это такое! Ты... Я знаю, что ты хочешь сказать мне... Я не имею права ни в чем упрекать тебя, потому что сама... Потому что сама... последняя дрянь и тебя недостойна.

– Прекрати, – буркнул Васик, – зачем ты все сначала начинаешь? Мы ведь договорились!..

– К чертовой матери наши договоренности! – сквозь рыдания проговорила Нина. – Я знала, знала... Я догадывалась, что мое прошлое еще встанет между нами когда-нибудь, но не ведала, что так скоро. Еще и трех месяцев не прошло...

– Да перестань! – срывающимся голосом закричал Васик. – Я тебя ни в чем не упрекаю! Я никогда тебя ни в чем не упрекал и не собираюсь! Вспомни, через что нам пришлось пройти, чтобы сейчас быть вместе. И теперь все это разрушить из-за какой-то... Да я совсем не помню эту Катю! Вполне возможно, что ее ребенок это вовсе не мой сын. Вполне возможно, что она просто-напросто хочет заработать на мне деньги...

Васик уже стоял на коленях перед Ниной. Он обнял ее, а она положила голову ему на плечо. Васик почувствовал теплую каплю на своей шее, и у него мучительно перехватило горло.

– Нина... – тихо позвал он, – я ведь тебя люблю... И никого никогда не любил так, как тебя. И никому не дам разрушить то, что мы с таким трудом создали. Ну хочешь, я прямо завтра пойду на работу, а? Дворником? Или грузчиком? Я серьезно говорю, не думай!..

Нина уже не плакала.

– Ладно, – проговорила она осипшим от слез голосом и погладила Васику по косматой голове. – Что ты намерен предпринять?

– Пойду дворником, – решил Васик, – грузчики пьют много, а ты не любишь, когда я пьяный...

– Я не об этом, – улыбнулась Нина.

– А... Так это яснее ясного, – сказал Васик. – Сначала экспертиза, потом обследование... И, если выяснится, что эта Катя меня обманывала...

– Понятно, – кивнула Нина.

– Только вот еще... – Васик немного замялся.

– Что? – спросила Нина.

– Завтра у нас не получится никуда сходить, – виновато сказал он. – С утра Катя привезет мне сына... своего сына. А потом мы с ним отправимся в клинику.

– Ты и Катя?

– Я и Петя, – уточнил Васик, – если хочешь, поедem вместе с нами. Катя поехать не сможет, у нее работа какая-то важная – она мне говорила... Полчаса рассказывала о том, как

необходимо для нее всегда быть вовремя на рабочем месте. Она неплохо зарабатывает, и деньги ей нужны для лечения Пети. Кстати, с клиникой я уже договорился. Мне сказали, что через два дня после экспертизы можно будет с точностью сказать – мой сын Петя или нет.

Нина ничего не ответила на это.

Глава 3

В этот день работа у меня не клеилась совсем. Все мои мысли были только о моем утреннем открытии – после длительного размышления в течение всего дня я окончательно пришла к мысли о том, что в мучивших меня ночных кошмарах виновата бывшая жена Вити.

Ну, по крайней мере, это единственная более или менее приемлемая версия, другой я пока не вижу.

Разве что посоветоваться с моей подругой Дашей? Она – дипломированный психолог, к тому же одно время увлекалась изучением паранормальных явлений, благо предмет изучения – то бишь я – всегда под рукой. А если еще учитывать, что вместе с ней мы пережили немало таких передрыг, где случаев применения моих экстрасенсорных способностей было хоть отбавляй, тогда и вовсе ее можно считать крупным специалистом по этому вопросу.

Вот только занята, наверное, сейчас Даша. Она наконец-то нашла работу по душе – поступила на штатную должность психолога в центр по реабилитации детей и подростков. Говорит, нашла свое призвание – открыла для себя, как это здорово – помогать людям в меру своих сил. Говорила даже, что решила посвятить этому делу всю свою жизнь.

Охотно верю этому, прекрасно зная свою подругу, и очень рада за нее.

Вообще-то Даша могла бы и совсем не работать. Сидеть себе дома и поживать в свое удовольствие – родители у нее довольно состоятельные люди, не такие, конечно, как отец Васи́ка, но позволить себе содержать взрослую дочь вполне могут... Но вот Даша теперь нашла свое призвание в жизни. И слава богу...

* * *

Когда я вернулась, Витя уже был дома и даже приготовил ужин: по случаю окончания рабочей недели он освободился сразу после обеда.

Приготовленный им ужин трудно было считать вершиной кулинарного искусства – полуфабрикаты из ближайшего супермаркета, разогретые в микроволновой печи. Но все-таки не качество пищи главное, а факт проявления заботы обо мне. Мне ведь, между прочим, никто никогда ужина не готовил. Я имею в виду – мужчин.

После ужина – когда мы с Витей расположились возле телевизора, уютно поблескивающего в мягкой полутьме комнаты, словно самый настоящий домашний камин, я решила, что наступил момент для откровенного разговора.

– Витя, – позвала я, – мне нужно с тобой поговорить о чем-то серьезном.

– Да? – рассеянно отозвался он, размякший после обильной еды. – О чем же? А-а... Кажется, ты просила у меня на зиму шубку?

Ни о чем подобном я не просила, но у Вити не совсем обычный способ делать подарки. Сначала он неделю уверяет меня, что мне просто необходима та или иная вещь, а потом эту вещь преподносит с таким торжественным и важным видом, что и сама начинаешь думать об этом подарке, как об осуществлении своей заветной мечты.

– Да нет... – на этот раз я досадливо отмахнулась, чтобы не отвлечься от темы разговора. – Помнишь, ты мне рассказывал о своей бывшей жене?

Он поморщился.

– О Степаниде, что ли?

Вот-вот, это имя вертелось у меня на языке весь сегодняшний день, а я никак не могла его вспомнить – Степанида! Только и припомнила, что имя было какое-то... ветхозаветное. И очень даже понятно, почему Витя с ней развелся. Если предположить, что сама Степанида

соответствует своему имечку, в таком случае совершенно не подходит начинающему столичному бизнесмену девушка, от имени которой так и несет застоявшимся коровьим молоком и затхлым запахом отапливаемой по-черному низенькой одноглазой избенки.

– О Степаниде?

– Вот-вот, – подхватила я, – о Степаниде. Ты говорил, она была... вроде, колдуньей?

– Степка, что ли? – Витя рассмеялся. – Да какая она колдунья! Просто умела иногда фокусы показывать. Но чтобы зря не говорить, получалось у нее хорошо. В том плане, что некоторые ее штучки никто не мог объяснить с научной точки зрения.

– Это какие, например? – поинтересовалась я.

Витя промывчал что-то невнятное, вспоминая.

– Ну вот, – заговорил он, – Степка могла сделать так, чтобы в одну минуту скисло молоко. Накрывала стакан блюдцем, что-то шептала и – р-раз! Поднимала блюдце, а молоко уже того... Ну и все в том же роде. А как-то раз... – Витя рассмеялся, – ко мне пришли гости. Даже не гости, а... мои будущие партнеры – я тогда начинал свои упражнения в деле бизнеса – и один из партнеров что-то такое Степке сказал... Кажется, пошутил насчет ее имени. Совсем безобидно пошутил, насколько я помню. А Степка рассердилась и выдала ему в ответ что-то... Ага, жабой обозвала – тот и вправду был на жабу похож, толстый такой, щекастый, все лицо в сыпи угревой. Но выдала тоже вроде в шутку, так, что никто не обиделся. Посмеялись мы тогда и забыли. А когда гости расходиться стали, тот... которого она жабой обозвала, сунул ногу в ботинок и как заорет! Упал на задницу и визжит, словно девка. Мы посмотрели, а у него в ботинке, оказывается, огромная жаба сидит. Вот с такими глазищами, – Витя до предела вылупил глаза. – Н-да... И откуда она только эту жабу достала? Зима ведь была, мороз... Он замолчал.

– Интересно, – заметила я, – не такие уж и безобидные шуточки. Жабу можно было бы еще как-то объяснить – вдруг она ее прятала для подобных штук, а тут и случай подоспел. Но вот скисшее молоко... Кроме того, что само по себе это странно, – молоко за минуту скиснуть никак не сможет, я имею в виду при нормальном раскладе... Так вот, кроме того, что уже само по себе странно, это еще и нехорошие ассоциации вызывает.

– Нехорошие ассоциации? – удивился Витя. – Какие такие могут быть ассоциации со скисшим молоком?

– Если верить народным поверьям, – объяснила я, – скисшее не вовремя молоко является признаком присутствия в доме нечистой силы. Понимаешь? Недоброго колдовства, враждебного людям. Значит, у твоей Степаниды и вправду был дар... колдуньи. Только дар изначально черный. И только от нее зависит, как она будет этот дар использовать – во вред людям или на пользу.

– А-а! – зевнул Витя. – Бабушкины сказки! Ты что это, Оленька, желтой прессы начиталась? И как только подобную ерунду печатать могут?.. Я вот считаю, что давно пора снова ввести цензуру для наших средств массовой информации, а то что же это – понапишут такое, что голова пухнет. Не разберешься, где правда, а где выдумка. Свобода печати хороша, когда она в меру.

Я промолчала. Если Витя считает, что я начиталась желтой прессы, то пусть так и дальше считает. Хотя я эту самую желтую прессу, признаться, уже с год в руки не беру. Не объяснять же мне Вите, что не только точно знаю о существовании черного колдовства, но не раз сама сталкивалась с представителями подобного рода потусторонних искусств.

А Степаниду эту все-таки разгадать надо. Судя по Витиным рассказам, из которых вполне можно почерпнуть необходимую информацию о ней, не такая уж она и безобидная, шутница эта, первая жена моего Вити.

– И все-таки, – осторожно проговорила я, – как ты сам считаешь, Витя, в Степаниде и впрямь присутствовало что-то потустороннее, или это все ловкие фокусы, которые можно, в принципе, объяснить с научной точки зрения?

Витя надолго задумался.

– Да черт его знает, – ответил он наконец, – вообще-то, что-то такое... необычное в Степке было. И знаешь... меня это очень раздражало. Всегда ведь бесит то, чего не понимаешь, правильно?

– Ну... не всегда. Хотя – да, наверное. Да-да, Витя, ты абсолютно прав.

«Н-да, правильно я поступила, что не призналась любимому в своих паранормальных способностях, – подумала я. – Он, оказывается, из тех людей, которых бесит все неведомое и непонятное. Это плохо вообще-то... Но ведь он – бизнесмен, человек трезвый и рациональный. И... и – что немаловажно – я его люблю. И он меня любит. Так что, я думаю, пока мне не стоит открывать ему глаза на то, чем я отличаюсь от других людей. Посмотрим, как у нас дальше сложатся отношения. Все-таки, наверное, не зря говорят люди – стерпится, слюбится...»

– Вообще-то... – неохотно проговорил вдруг Витя, – я чувствовал в ней силу. Только не хотел в этом признаваться ей, а тем более себе. В жизни ведь, как в бизнесе: только признайся, что ты слабее, и тебя немедленно сожрут. Так ведь?

Он посмотрел на меня и, видимо, что-то такое разглядел в моих глазах, потому что сразу рассмеялся и обнял меня за плечи.

– Что ты вдруг погрузилась? – прошептал он мне на ухо. – Глупости болтаю, да? Глупости, конечно. Ты меня не слушай, пожалуйста. Тут за день так навертишься, что в голову всякая ерунда лезет, сил никаких нет.

Он вдруг осекся, как будто в голову ему пришла очень важная мысль, отодвинулся и снова посмотрел мне в глаза – очень-очень пронизательно.

– Слушай, – проговорил он, – так ты этот разговор о Степаниде завела из-за своих еже-нощных кошмаров, да?

– Если честно, то да, – призналась я.

– Вот так здорово! – захохотал Витя. – Так значит, ты думаешь, это Степка на тебя ужасные сны насылает, чтобы отвести от меня? Типа – из ревности, да?

Он вдруг перестал смеяться и посерьезнел.

– Вообще-то она злопамятная была, Степка, – задумчиво проговорил он. – И какое-то... странное удовольствие находила в пакостях своих... Так что вполне может быть. Только...

Не договорив, Витя поднялся на ноги и потянулся.

– А чего зря ляды точить? – весело подмигнул он мне. – Вот сейчас поедем к Степке и сами все узнаем. Из первых рук, как говорится. Если правда все то, что ты думаешь, то я на нее, паскуду, таких ребят напущу, что она и думать про свои гадости забудет. Собирайся, поехали!

– Куда? – притворно ужаснулась я. – Ночь на дворе. То есть – уже поздно, чтобы ехать к кому бы то ни было в гости. Тем более с такой целью.

– А мы не в гости, – усмехнулся Витя. – До меня недавно слухи дошли, что Степка арендовала маленький подвальчик на окраине и сделала там... что-то вроде гадального салона. Ну, знаешь, как это все выглядит – везде затемнение, таинственные картины, черепа, черные шали по стенам висят и за круглым столом загадочная женщина в демоническом макияже. Гадание на картах, на... чем угодно. Поехали, ведь правда, интересно?

– Поздно, – напомнила я. – Смотри времени сколько!

– Подобные заведения по ночам только и работают, – сказал Витя. – Поехали, проветрится, а? Завтра все равно суббота, выходной. А если выяснится, что не Степка это тебе пога-нит, то... Попросим ее с тебя сглаз снять или как это там называется... По старой дружбе со скидкой выйдет.

Видно, Витя всерьез заболел этой идеей. Ехать куда-то на ночь глядя, чтобы развлечься, а заодно попытаться решить серьезную проблему. Приятное с полезным совместить, как говорится. Нет, все-таки он прирожденный бизнесмен – работать, так работать, а уж развлекаться, так развлекаться.

– Не знаю, – сказала я, вздохнув, – мне что-то боязно, Витя. А вдруг она мне еще хуже сделает? Ты ведь сам говорил, что Степанида злопамятная.

Витя задумался на минуту, но только на минуту.

– Вряд ли, – проговорил он. – Я тебе не говорил, что она еще и деньги любит? Так вот, если ей хорошо заплатить, то она из кожи вон вылезет, чтобы угодить.

– Да, – заметила я, – хорошенькую ты мне картинку нарисовал! Тебя послушать, так у тебя не жена была, а самая настоящая змея.

– Так оно и было, – неожиданно ответил Витя, – только я поздно это понял. Ну, если хочешь, не поедем. Ты сама-то – как?

– Поехали, – решила я, – все лучше, чем ложиться спать и думать только о том, проснусь или умру во сне от разрыва сердца.

– Ты мне эти шуточки брось, – погрозил мне пальцем Витя. – Никакого разрыва сердца. От гадких снов еще никто не умирал. Просто это нервы.

– Нервы, – сказала я и вспомнила страшную черную дыру, куда меня с неудержимой силой каждую ночь тянула паутина. – Да, нервы, наверное.

* * *

Через пару часов красный джип Вити домчал нас на самую окраину Москвы. Я даже и не знала, что в черте большого города, столицы России, могут уживаться сплошь освещенные огнями гигантские строения с зеркальными стенами и такие вот уродливые коробки совершенно одинаковых домов, похожие на многоэтажные бараки.

У одного из таких домов мы остановились.

– Видишь? – показал мне Витя на ближайший подъезд.

Я посмотрела туда и увидела выстроившиеся у подъезда в ряд несколько дорогих автомобилей иностранного производства.

– Неплохо, – усмехнулся Витя.

– Ты о чем?

– Неплохо, говорю, идет бизнес у Степки, – пояснил Витя, – судя по степени прикинутости клиентов.

Я ощутила легкий укол ревности.

– Странно все-таки, что вы развелись со Степанидой, – глядя в сторону, сказала я.

– Почему это? – удивился Витя.

– Сейчас бы вам легко удалось найти общий язык, – проговорила я, – вы оба понимаете толк в бизнесе.

– Разве это главное в человеческих отношениях? – нахмурился Витя. – Работа есть работа, и личные отношения – это личные отношения. Их ни в коем случае путать нельзя, по моему. Вон у моего шефа когда-то жена заместителем работала – его же замещала. И как-то они не сошлись во мнениях по одному вопросу, незначительному, кстати говоря, вопросишку. Так вот жена на шефа так по этому поводу обиделась, что перестала с ним разговаривать. Общалась через секретаршу. Дальше – больше, дома спать в другую комнату уходила, ну и... через некоторое время развелись. Правда, не только из-за этого. У них еще много чего друг против друга накопилось... Да, так о чем это я говорил?

– О том, что мы приехали к Степаниде, – напомнила я, – избавлять меня от кошмарных сновидений.

– Ага, – встрепнулся Витя, – тогда пойдем. Чего в машине-то сидеть.

Мы направились к подъезду. Оказалось, что чудеса начинаются сразу при входе в дом. Стандартный подъезд – даже не снабженный на двери кодовым замком – был волшебным образом превращен в довольно симпатичный холл, несколько, правда, мрачновато оформленный – стены затягивала черная ткань, а под самым потолком сияли стилизованные под средневековые факелы электрические светильники.

У первых ступеней лестницы, кстати, покрытой тоже черной ковровой дорожкой, нас встретил громадных размеров детина с совершенно зверской физиономией. Одет детина был почему-то во фракную пару и исполнял, как выяснилось позже, обязанности консьержа.

– Вы в какую квартиру? – осведомился он у нас.

– Мы, собственно, не в квартиру, – откашлявшись, проговорил Витя. – Мы, собственно, хотим посетить Степк... Степаниду. По вопросу снятия сглаза с гражданки... – он кивнул на меня.

– Проходите, – разрешил детина и вдруг – к моему удивлению – низко поклонился, впрочем, не утратив при этом своего мрачного достоинства, – первый этаж, дверь сразу налево.

Мы тронулись дальше.

– Здорово! – шепнул мне на лестнице Витя. – А я-то уж сначала подумал было, что Степка весь подъезд жилого дома арендовала. А она просто в своей квартире устроила... потусторонний салон, а подъезд оформила, чтобы более престижно все выглядело. И этот орангутанг, судя по всему, от нее же кормится. Уверен, что жильцы дома не против. Здесь ведь даже на двери кодового замка нет... Нет, неплохо, совсем неплохо... – добавил Витя, уже с чисто профессиональной точки зрения оценивая деловую хватку и размах своей бывшей жены.

Я снова подумала о том, что, наверное, зря воскресила в его памяти эту чертову Степаниду. Теперь к кошмарным снам о паутине будут добавляться еще и кошмарные сны о том, как Степанида уведет от меня моего Витю.

Мы повернули налево и остановились перед металлической дверью с небольшой табличкой сверху. Табличка была украшена по краям двумя электрическими светильниками в виде черных свечей.

– Гадальный салон... – начал читать Витя, – дальше неразборчиво.

Я усмехнулась. А это я уже сумела оценить с профессиональной точки зрения. Я ведь занимаюсь разработкой рекламных концепций, и такой нестандартный ход, как надпись названия салона какими-то никому не понятными иероглифами, конечно, работала на его имидж. Но вот что скажут сотрудники налоговой службы, когда попытаются озвучить это название?... Интересно, интересно... Сразу видно, что эта самая Степанида – женщина не совсем обычная...

Как, впрочем, и я. Только вот мой возлюбленный об этом еще не догадывается.

– Ну что? – спросил меня Витя. – Идем?

Только сейчас я разглядела на двери старинный звонок с ручкой в виде хвоста какого-то животного.

– Цирк, – высказался Витя, дергая за хвост. – Кина не надо. Но не возвращаться же назад.

Тут он усмехнулся. Витя явно расценивал нашу поездку как какое-то развлекательное мероприятие. У меня даже закралось подозрение, что мои ночные кошмары он своим аналитическим умом определял как нечто несерьезное – просто как легкое психическое недомогание, обычное при более или менее кардинальной смене жизненного пути – что-то вроде психологической акклиматизации.

Только вот я-то так не считала. Дверь открылась, и на пороге возникла тоненькая девочка, одетая, как гимназистка девятнадцатого века. Я вдруг подумала, не дочка ли это моего Вити? Но глянув на Витю, никак не отреагировавшего на появление девочки-гимназистки, успокоилась.

– Вы к Степаниде? – равнодушно оглядев нас с головы до ног, осведомилась она.

– К ней, – подтвердила я.

– Проходите, – склонила голову девочка и шагнула назад, в полумрак прихожей, скрывшись там.

Мы вошли, дверь тут же закрылась за нами – очевидно сработала пружина или еще какой-то механизм.

Я огляделась – стены прихожей так же, как и в подъезде, были завешены темной тканью, расшитой к тому же какими-то каббалистическими знаками, ни один из которых не показался мне знакомым, хотя каббалистику, как некоторые другие оккультные науки, я изучала довольно долго.

«Цирк, – подумала я, – в самом деле цирк! Для несведущего человека все эти знаки – полные мистической силы символы, а для человека, который хоть малую толику разбирается в оккультных вещах – полная белиберда».

Витя, словно подтверждая мое наблюдение, саркастически хмыкнул.

В креслах, расставленных вдоль стен довольно большой прихожей, сидели солидно одетые господа. Увидев нас, они немедленно сделали вид, что зашли сюда на минуту – просто ради того, чтобы поглазеть на диковинный интерьер квартиры, и могут уйти, когда им заблагорассудится.

Впрочем, с таким видом они, судя по всему, сидели здесь с того самого момента, как пришли, почему-то ни за что не желая показать друг другу, что считают оккультизм чем-то действительно серьезным и достойным внимания их, таких солидных господ.

– Записывайтесь, пожалуйста, – шепотом проговорила девочка, неслышно появляясь из полумрака у нас за спиной. И протянула Вите большую книгу, очень похожую на бухгалтерскую, но имеющую тяжеленный и явно очень дорогой кожаный переплет.

Витя хмыкнул и лихим росчерком написал свою фамилию в нужной графе. Потом оглянулся на меня.

– Нет, спасибо, – сказала я, – достаточно, полагаю, одной фамилии?

Витя пожал плечами и отдал книгу девочке.

– Подождите здесь, – прошептала она, – госпожа Степанида вас пригласит.

И исчезла за черным пологом, заменявшим в этой странной прихожей дверь.

– Слышала? – подмигнул мне Витя. – Госпожа Степанида... Хорошо еще графией не назвалась. А знаешь, кем ее мать работала? Дояркой в колхозе. Вон два свободных кресла, пойдем, присядем.

Мы устроились на креслах.

«А ведь ждать придется долго, – подумала я вдруг, – вероятно, сеанс гадания продолжается не несколько минут... Нужно же еще как следует напустить туману, повыть на свечу, позакатывать глаза, имитируя одержимость бесами и все такое прочее... А перед нами четыре человека. Вот сидят – один насвистывает какой-то мотивчик и отбивает по подлокотнику кресла ритм; второй делает вид, что глубоко задумался, а сам рассматривает знаки на стенах; третий тупо смотрит на полог, за которым скрылась девочка-гимназистка; а четвертый, кажется, попросту спит...»

Однако долго ждать не пришлось. Витя только-только успел удобно расположиться в кресле, оглядеться и сказать что-то вроде:

«А прихожую ей пришлось, судя по всему, совместить с какой-нибудь комнатой – уж очень здесь просторно. Современная стандартная планировка такую роскошь никак не позволяет», как приоткрылся полог, и девочка, выглянув, назвала Витину фамилию:

– Господин Чернов!

Все четыре господина встрепенулись и с явным негодованием посмотрели на спокойно поднявшегося со своего кресла Витю. Я тоже встала.

– Это безобразие! – скрипучим голосом проговорил вдруг тот, что спал. – Я пришел задолго до этого... господина, а почему он...

– Госпожа Степанида знает, кого приглашать первым, а кого после, – очень тихим, но и очень уверенным голосом произнесла девочка и повторила:

– Господин Чернов, пожалуйста... На этот раз никаких возражений со стороны ожидающих не последовало. Мы с Витей прошли в комнату. Когда полог за нами опустился, наши глаза, еще не привыкшие к темноте, которая царила тут, поначалу не воспринимали ничего, кроме большой пентаграммы, нарисованной белой краской на противоположной от нас стене, и стола с несколькими стульями. Стол и стулья были накрыты черной тканью и поэтому сливались с темнотой почти до полной невидимости.

Однако горящая на столе свеча освещала женщину, неподвижно сидящую за столом. Колеблющееся пламя бросало на бледное лицо синие тени, отчего казалось, будто женщина постоянно гримасничает, оставаясь при этом совершенно неподвижной и безмолвной.

Напряженно взглядевшись в бледное лицо сидящей напротив женщины, Витя спросил:

– Степка?

Загадочная женщина как-то совсем обыкновенно вздохнула и, поднявшись, сильно дунула на свечу. Потом – в крошечной темноте отчетливо щелкнул самый банальный выключатель и на секунду нас ослепил заливший комнату яркий электрический свет, из-за которого вся таинственность немедленно растаяла, словно масло на сковородке.

– Здравствуй, Виктор, – голосом уставшим и скучным проговорила Степанида. – Вот уж не ожидала, что ты со мной повидаться придешь.

– Я как клиент пришел, – сообщил Витя, с любопытством разглядывая пентаграмму. – Вот у моей... подружки к тебе несколько вопросов как к специалисту.

Худое и бледное лицо женщины вдруг исказила гримаса раздражения.

– Ну, хватит! – резко проговорила она. – Если издеваться пришел надо мной, так и скажи. Я тебя знаю, сейчас ведь ржать начнешь так, что все мои клиенты разбегутся.

– Чего ты так? – искренне удивился Витя. – Не буду я над тобой смеяться. Просто пришел, потому что мою подругу... кстати, ее зовут Ольга... замучили постоянные кошмарные сны. Вот я и подумал, что, может быть, кто-нибудь ее сглазил, а? – Витя, прищурившись, заглянул прямо в глаза своей бывшей жене.

Степанида вздохнула, и на лицо ее вновь легла печать многодневной усталости.

– Делать мне больше нечего, как на твоих подружек сглаз наводить, – сказала она. – Но если хотите провести сеанс снятия сглаза – пожалуйста.

– Хотим, – быстро сказала я. Мне вдруг очень захотелось узнать, правда ли эта женщина обладает паранормальными способностями или же она просто ловкий мистификатор. Если судить по внешнему антуражу, то скорее последнее. Хотя... Ну, во всяком случае, сейчас проверим. Я всегда могу распознать исходящие от нее паранормальные психоимпульсы. Если они, конечно, у нее имеются.

– Деньги вперед, – не глядя на меня, сказала женщина, и к нам шагнула девочка-гимназистка, до этого совсем неслышно сидевшая на стульчике у самого порога.

– Сколько? – спросил у Степаниды Витя.

Она ответила.

– Ничего себе! – присвистнул Витя, расплачиваясь. – Вот это да! Однако дороги нынче оккультные услуги. А я-то смотрю, почему у тебя в прихожей ни рабочего нет, ни крестьянина, только наш брат – предприниматель.

– Садитесь, – Степанида обратилась, кажется, ко мне одной.

Я присела на первый попавшийся стул.

– Не сюда, – немедленно последовала реплика из мрака, – точно напротив меня.

Я повиновалась.

Женщина снова зажгла свечу и потушила свет. То ли глаза мои снова отвыкли от темноты, то ли Степанида передвинула свечу, но теперь я ничего не видела, кроме пляшущего прямо перед моими глазами огонька свечи.

Витя затих позади меня, а девочки-гимназистки и подавно не было слышно. Откуда-то стали доноситься странные заунывные звуки, и только спустя минуту я догадалась, что это запела Степанида.

– Расслабьтесь, – негромко сказала она мне, – всего несколько минут думайте о чем-нибудь... отвлеченном. И не пугайтесь, если почувствуете вдруг легкое головокружение...

«Забавно, – подумала я вдруг, – какая-то заштатная гадалка пытается разобраться, что же все-таки творится в моих мозгах, когда даже я, экстрасенс, обладающий исключительными паранормальными способностями, не понимаю, в чем дело. Ну что же... последую совету – расслаблюсь и позволю ей ввести себя в транс».

Я закрыла глаза, ровно задышала и вскоре в самом деле почувствовала легкое головокружение.

– Та-ак... – долетел до меня как бы издалека голос Степаниды. – Сейчас я ввела вас в транс. Теперь вам больше ничего не нужно делать... Представьте, что вы плывете по широкой и чистой реке. Вам хорошо и спокойно. Ни о чем не думайте, только повторяйте за мной...

«Ничего интересного, – с легким разочарованием подумала я, – эта особа только освоила азы гипноза и... и, несмотря на то, что обладает несомненными экстрасенсорными способностями, уж очень эти способности незначительные. Их даже не хватило на то, чтобы ввести меня в транс, хотя я совсем не сопротивлялась. Все понятно – „колдовство“ этой самой Степаниды рассчитано на людей внушаемых, с ослабленной психикой – именно такие люди приходят обычно к гадалкам и медиумам, чтобы поговорить за жизнь со своими умершими родственниками и спросить у покойных родителей разрешения на свадьбу или покупку новой квартиры».

– А теперь просто слушайте и повторяйте за мной, – снова услышала я плывущий голос Степаниды:

– Я спокойна, – монотонно забубнила она, – я совершенно спокойна... Мне больше не снятся кошмарные сны... Мне снится только хорошее... Даю тебе установку – только хорошие сны... Только хорошие...

Я едва удержалась от того, чтобы не рассмеяться. Она мне установку дает! Если бы все так было просто, я бы дала сама себе тридцать три установки...

– Все хорошо, – продолжала заунывно завывать колдунья Степанида, – все просто прекрасно... Все великолепно... все замечательно... Сейчас вы откроете глаза и забудете то, о чем мы с вами говорили. Но ваше подсознание ни за что не забудет мои слова и будет действовать точно по моим установкам...

Да, как же!.. До моего подсознания колдунья Степанида не добралась и не доберется никогда, потому что для этого ее скудных способностей явно будет недостаточно.

– Сейчас я досчитаю до трех и вы выйдете из транса. Слушайте внимательно. Раз.

Я чуть-чуть приоткрыла глаза. Прямо передо мной сиял огонек свечи. Никакого головокружения я уже не чувствовала, разве что только – легкое, потому что мне страшно хотелось спать: было, наверное, уже часа четыре утра.

– Два, – звучно проговорила Степанида. Снова прикрыв глаза, я едва удержалась от того, чтобы не зевнуть. Нет, эту Степаниду нужно определить не в гадалый салон, а в детский сад нянечкой. У нее очень хорошо получается навевать своими заунывными завываниями сон – дети быстро засыпать будут... Да и вообще...

Да и вообще, не знаю как дети, но я сейчас точно засну. Как только эта мысль пришла мне в голову, я тотчас открыла глаза, потому что дремота настолько овладела моим телом, что еще немного – и я бы точно заснула.

– Три.

Свеча уплыла куда-то вправо. Я хотела подняться на ноги, чтобы поблагодарить госпожу Степаниду за изумительный сеанс, но с удивлением вдруг осознала, что не владею своим телом.

– Как такое могло получиться? – хотела воскликнуть я, но поняла, что и язык меня тоже не слушается.

Встревоженный крик Степаниды метнулся к потолку, а меня будто стопудовым грузом пригвоздило к жесткому сиденью стула.

Свеча вновь появилась у меня перед глазами.

Глава 4

Стул подо мной зашатался; сразу после этого огонек свечи вспыхнул ярче и, треща, стал разгораться все сильнее, в конце концов превратившись в огромный сияющий круг, больно режущий глаза – ничего, кроме этого круга, я не видела и не могла отвести от него глаз. Кажется, я даже сомкнула веки, но передо мной продолжал ослепительно гореть огненный круг.

Вибрация подо мной стала просто невыносимой, наконец стул потащило назад, а когда я оглянулась, то увидела мерзко мерцающие в темноте белесые нити паутины.

– Откуда здесь паутина? – успела подумать я, прежде чем очередной рывок, оказавшийся сильнее предыдущих, опрокинул стул и я рухнула навзничь.

– Витя! – барахтаясь на полу, закричала я. – Помоги мне! Паутина! Паутина! Паутина!

Когда звуки моего голоса смолкли, я не услышала ничего, кроме шуршания тянущихся ко мне нитей-щупалец, и поняла, что осталась в полной пустоте и кромешном мраке, в котором не было ничего – только я один на один с липким комком постоянно извивающихся паутинных нитей.

Вскочив на ноги, я подхватила с пола опрокинутый стул, решив использовать его как оружие, потому что ничего более подходящего здесь не видела. Я вообще не видела ничего, кроме мерзко чавкающих щупалец паутины, с которых тянулись на пол длинные струйки белесой слизи.

Не выпуская из рук стул, я бросилась бежать.

Если рассуждать логически, то через пару шагов я должна была наткнуться на стол, за которым сидела госпожа Степанида, а еще через несколько – на стену комнаты, где находилась до того, как появилась эта дьявольская паутина. Но, задыхаясь и спотыкаясь в кромешной пустой темноте, я пробежала уже достаточно большое расстояние и никакой преграды на своем пути не встретила.

Я бежала изо всех сил. Стул, оказавшийся вдруг неожиданно тяжелым, оттягивал руки, а черный воздух, словно густые чернила, заливал мне легкие, не давая никакой возможности плотнуть хотя бы капельку кислорода.

Когда мои ноги подкосились сами собой, я без сил опустилась на колени.

Ничего и никого вокруг. Только пустота, до отказа наполненная кромешной чернотой.

Некоторое время я ощущала лишь стук своего бешено бьющегося сердца и гул крови в висках.

«Так, – лихорадочно собирая мысли в более или менее стройный порядок, рассуждала я. – Как я могла оказаться в этом странном месте? Куда подевалась комната, где стоял стол, стулья, а за ним – Степанида эта проклятая и мой Витя? И откуда появилось это бесконечное пространство, залитое чернильным мраком? И снова, снова – отвратительные нити-щупальца этой чудовищной паутины, от которой, кажется, я на время смогла убежать...»

Задержав на мгновение рвущееся из груди дыхание, я прислушалась. Ничего!

Где я, черт возьми, где?!

И тут, словно молния в меня ударила, пронзила неожиданная мысль.

– Конечно! – воскликнула я, и звуки моего голоса тотчас потухли в ватной пустоте. – Я расслабилась и дала этой недоучке Степаниде усыпить себя. И пришел сон, а вместе с ним – мой еженощный кошмар... паутина и черная яма. А та пустота, в которой я сейчас нахожусь, это пространство сна...

Я умолкла и опять кошмарная тишина сдавила мои барабанные перепонки.

«Где я – это более или менее мне понятно, – подумала я, осторожно прислушиваясь, – но вот как отсюда выбраться?..»

Не успела последняя мысль всплыть на поверхность моего сознания, как я снова услышала уже хорошо знакомое мне шуршание, а еще спустя несколько секунд – чавканье извивающихся, истекающих слизью щупалец.

Я вскочила на ноги, схватила стул и с силой швырнула его туда, откуда, как оказалось, доносились эти звуки. Мелькнувший перед моими глазами стул немедленно поглотила тьма, и до меня долетел глухой стук падения.

Снова сорвавшись с места, я бросилась бежать. Но на этот раз мне было очень трудно – что-то мешало, путаясь в ногах. Я упала, потом вскочила, но, сделав всего три шага, снова рухнула навзничь.

Ноги мои тут же оплели скользкие, тонкие, но невероятно сильные щупальца.

Нет!

Отчаянно забившись, я вырвалась, но на ноги встать не успела. Мерзко воняющая петля затянулась у меня на шее и потащила мое тело куда-то, в никому не известном направлении, буря безмолвную темноту.

Впрочем, почему это – никому не известном? Я прекрасно знала, что меня ожидает в конце этого пути – черная яма, дна которой я не могу достигнуть и поэтому могу только с ужасом предполагать, что ждет меня там.

Теперь я не могла даже кричать. Петля накрепко сдавила мне горло. Ногами я пыталась сопротивляться неумолимой силе, влекущей меня: цеплялась каблуками и носками ботинок за малейшие выбоины в невидимом полу, а руками раздирала себе на груди плащ, в отчаянной надежде освободить проход для воздуха, которого так жаждали пылающие от кислородного голодания легкие.

И вдруг я перестала ощущать твердую поверхность под собой – я оказалась в полной пустоте, ничего не было ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу... И я догадалась, что снова проваливаюсь в черную яму – хотя вокруг была только тьма и никакого движения воздуха я не чувствовала.

Безоглядный ужас охватил мое сознание. Уже не отдавая себе отчета в своих действиях, я рванула петлю на своей шее изо всех сил и, немного ослабив ее, смогла закричать...

* * *

...Очнулась я под яркой электрической лампой на каком-то ужасно жестком диване.

Ощувив эту перемену, я снова закричала, теперь – чтобы убедиться, что все-таки еще жива.

– Тихо-тихо... – я увидела перед собой лицо склонившегося надо мной Виктора. – Тихо-тихо-тихо... – шептал он побелевшими губами.

И откуда-то сбоку долетел до меня женский голос:

– Она открыла глаза!..

Я рывком села и огляделась. Одежда на моей груди была разорвана – словно ее терзали сразу десятки острейших ножей, а кожа на шее испарапана. Меня била крупная дрожь. Я посмотрела на свои трясущиеся руки и увидела, что они в крови. В это мгновение кто-то крепко обнял меня за плечи.

– Оленька... – шептал Витя, не выпуская меня из своих объятий. – Господи, да что с тобой?.. Это все ты сделала, стерва! Ты!

Последняя фраза относилась явно не ко мне, а к беззвучно стоящей возле стены Степаниде. Теперь ее лицо было бледно смертельной бледностью, да к тому же искажено гримасой сильного страха.

Теперь, немного придя в себя, я осмотрелась и увидела, что ни на каком жестком диване я не лежу, а лежу на столе в той самой комнате, где и начался так ужасно закончившийся

сеанс снятия сглаза. Ярко горел электрический свет, вокруг валялись разбросанные стулья, черная ткань на одной стене висела криво, разодранная пополам, и обнажала старые обои в веселенький голубой цветочек.

– Это все ты! – оборачиваясь, снова закричал в лицо дрожащей Степаниде Витя. – Это ты довела ее своим дурацким колдовством до того, что она едва не умерла...

– Я ни в чем не виновата! – в голос зарыдала несчастная Степанида, заламывая руки. – Я хотела ей помочь! Ты же сам слышал, как я ввела ее в транс и дала ей самые благоприятные установки! Понятия не имею, что произошло, знаю только, что я здесь точно ни при чем... – На этой фразе голос у нее осекся и, уронив бледное лицо в ладони, Степанида разрыдалась уже по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.